

УДК 330.36:339.7

## **СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ**

**Арсланов Р.Ф., Мочалов М.А.**

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

E-mail: finec116@mail.ru, moch-maxim@yandex.ru

Обоснованно утверждается – институциональное преобразование глобальной финансовой системы, имеющее своей целью найти новую парадигму ее конструирования, становится одной из самых актуальных проблем в условиях современных системных трансформаций. Важной задачей для научного исследования становится определение и аргументация стратегических направлений такого преобразования в результате его системного изучения, в контексте «всепроницающих» глобальных финансовых отношений. Как достаточно сложное и разноплановое явление рассматриваемое преобразование имеет много направлений, таких как: трансформация архитектуры глобальной финансовой системы, учитывая проявления фрагментарности глобальной экономической среды; а также изменение фундаментальных принципов функционирования этой системы и инструментов контроля над ней, осуществляемое в согласии с условиями утверждающегося глобального информационно-сетевого общества. Как результат применения аппарата институциональной теории следует вывод, что в функционировании глобальной финансовой системы, где существует риск роста темпов распространения кризисных импульсов, надзор и регулирование должны стать одной из сфер глобальной ответственности. Роль же нерыночных институтов (особенно правительств и образований, выражающих их скоординированные решения) в установлении правил и стандартов деятельности на конкретных глобальных рынках должна не ослабляться, а усиливаться, контур такого процесса следует детализировать в ходе дальнейшего научного анализа.

*Ключевые слова:* мировая финансовая архитектура, финансовая система, финансовая глобализация, глобализация, институциональные изменения, виртуализация экономики.

## **AN INQUIRY OF THE STRATEGIC GUIDELINES OF THE GLOBAL FINANCIAL SYSTEM INSTITUTIONAL TRANSFORMATION**

**Arslanov R.F., Mochalov M.A.**

Saint-Petersburg State University of Economics

E-mail: finec116@mail.ru, moch-maxim@yandex.ru

As known, the globalization has seriously affected various areas of activity of the majority of the countries, in particular the financial globalization has acted as a catalyst of the world financial architecture modification, and resulted in the new forms and subjects of economic relations, transformation of directions and mechanisms of cash flow movements, and creation of fundamentally new institutional environment reflecting the influence of internationalization processes of national economies. The institutional paradigm based on the new institutional economic theory makes it possible to analyze the modern processes of economy transformation. Knowledge gained in a variety of related sciences also can be applied to the study employing this approach. Based on the methodological framework of contemporary institutionalism, the article examines the substance, principal aspects and

specifics of the controversial problems of modern global finance system and its future development in world economic area.

The survey's results confirm the productivity of the proposed approach and the possibility of its application to outline ways to the solution to a number of general issues of the world economy. As founded, in the conditions of globalization, free capital flow and dynamic development of the capital market and new financial instruments thanks to advanced information technologies when together they form the really effecting space of virtual information objects and flows, the world economy faces with its new threatening features such as increasing volatility, its susceptibility to various manipulations and information asymmetry. That is why there is a strong idea de-scribed in the article to reassembly more controlled global financial system. Problems of the economic relations stabilizing regulation in the global finance area are systemic and complex, require a remedial attention on the part of government agencies and a painstaking daily work of international authorities. It should facilitate bringing the reconstructed global financial system and its institutions to a fundamentally different and whole new level which would be relevant to the present requirements of information society with data-based network economy.

*Keywords:* global financial architecture, financial system, financial globalization, globalization, institutional changes, virtualization of the economy.

В течение прошлого века произошел цивилизационный переход человечества от индустриальной к постиндустриальной эпохе, который завершился становлением в том числе и «мировой геофинансовой системы» [10], которая не только открывает новые перспективы развития и качественного роста, но и порождает новые вызовы и угрозы. Глобальные системные трансформации продемонстрировали миру, насколько «хрупким является глобальное равновесие и насколько быстро оно может быть разрушено» [4].

Социум первой половины XXI в. оказался в состоянии «нарастающего хаоса, усиления неопределенности, непредсказуемости внезапных изменений» [18, с. 9]. Э. Тоффлер назвал его «футурошок» [34, с. 560], Дж. Розенау – «эпохой турбулентности» [30]. В этом хаосе постепенно определяются контуры будущего мирового порядка [14], геополитического, геоэкономического и геофинансового устройства XXI в. [10]. Речь идет о научном осмыслении контуров новой цивилизационной эпохи, которую по-разному характеризуют современные исследователи: Д. Белл называет «эпохой разобщенности» [3, с. 47–49]; М. Кастельс акцентирует внимание на перспективах становления «сетевого общества» [19, с. 43]; по З. Бауману – это «текущая современность» [2]; Ф. Фукуяма рассматривает соответствующие преобразования как становление глобального общества, структурные связи которого будут выстраиваться по принципу «рассыпанной горсти песка» [23, с. 119]; М. Чешков говорит о логике «гетерогенизации мира», формировании «новой конгломеративности» и «дифференцированной общности» [16]; Ю. Яковец идентифицирует соответствующие процессы с формированием «многополюсного мироустройства на базе партнерства цивилизаций» [18, с. 341–345]. Резюмируя работы приведенных исследователей, можно говорить о перспективах становления новой многоформатной, разновекторной, неиерархической, асимметричной глобализированной общности, в структуре которой происходит существенное осложнение соответствующих взаимозависимостей на принципах децентрализации и гетерогенизации, в силу характера взаимодействия элементов такой структуры, она может быть охарактеризована как сложная диссипативная система [20]. Речь

идет о «конце знакомого мира» [5] и одновременно об утверждении «нелинейного формата постсовременного мира, в котором органично переплетаются «исторически известные и пока не совсем известные, опознанные и неопознанные структуры» [13].

В условиях неопределенности естественно растет интерес к институциональной теории вообще и ее неоинституциональному направлению в частности. Это связано с попытками преодолеть ограниченность ряда положений, характерных для доминирующего сейчас направления экономической теории, и рассмотреть современные общественно-экономические процессы комплексно и всесторонне, особенно в исследованиях явлений современной эпохи, когда использование традиционных методов не дает желаемых результатов. Вместе с тем важно учитывать естественный консерватизм институциональных предпочтений общества, поскольку институциональные модификации всегда являются запаздывающими. Обычно институциональные реформы отражают то, что уже существует в общественной жизни, однако реализующееся как неформализованная реальность. Речь идет о противоречии между реально существующим и институционально формализованным. Такие противоречия особенно обостряются в периоды системных трансформаций, т.е. изменений природы формирующих систему объектов, их связей и происходящих в ней процессов, приводящих к качественной перемене ее свойств. Динамичное развитие рынков знаний и информации, которые формируют основу «новой экономики» в современном глобализованном мире, сопровождается масштабными проблемами системного характера, такими как волатильность, манипулируемость и информационная асимметрия, а выгодами, составляющими экономический эффект от глобальных рынков, смогли всецело воспользоваться немногие национальные экономики [25].

В таких условиях научный поиск решения обостряющихся проблем с необходимостью приводит к идее реформирования – преобразования глобальной финансовой системы, основываясь на институциональном подходе, позволяющем использовать всю полноту накопленных знаний о социуме как сложной системе. Отправным же шагом в разработке стратегического контура такого процесса является определение его основных принципов и ключевых направлений, исходя из важнейших проблем и явлений, существующих в рассматриваемой подсистеме глобальной экономики и происходящих в результате ее деятельности.

В условиях современных системных глобальных трансформаций институциональное преобразование финансовой системы глобальной экономики подчиняется логике ее переформатирования на полицентрической основе, что подразумевает переориентацию геостратегических векторов развития на «новые гравитационные центры» глобального и регионального масштаба. В результате: 1) возрастает роль их национальных валют как резервных или наднациональных коллективных платежных единиц в составе межгосударственных объединений; 2) формируются новые мировые финансовые центры регионального и глобального значения, способные концентрировать и перераспределять значительные трансграничные потоки капитала; 3) расширяются масштабы экспансии национальных финансовых институтов «новых гравитационных центров» (прежде всего су-

веренных инвестиционных фондов) на внешние рынки, где они продвигают финансово-экономические интересы своих стран; 4) укрепляются позиции «новых гравитационных центров» в ведущих международных публичных финансовых организациях и форумах, которые принимают непосредственное участие в разработке базовых принципов функционирования мировых рынков капитала [18].

Однако такие изменения структурных пропорций между отдельными составляющими и институтами глобальной финансовой системы – это лишь внешняя сторона происходящих в ней процессов, под которыми скрываются противоречия системного порядка, с позиций которых необходимо говорить о модификации сущности и принципов организации финансовых отношений в мировой экономике. Когда речь идет о реформировании мировой валютной системы, трансформации институционально-функционального статуса государства в глобальной финансовой архитектуре и реформировании мировых финансовых институтов, важно понимать, что все это – результат фундаментальных изменений. Известный американский ученый Э. Тоффлер рассматривает их как изменения, при которых меняется вся институциональная система общества – не только его функциональные, но и мировоззренческие основы. Не поняв сущности этих изменений, невозможно понять и содержание трансформационных процессов в глобальном финансовом пространстве. Ведь они касаются существенных сфер общественной жизни, вызывая образование иной картины мира, с новыми траекториями национального и глобального развития. Об этом эпохальном повороте на рубеже тысячелетий провозгласил Генеральный секретарь ООН К. Аннан: «...наши послевоенные институты создавались под международный мир, а мы сейчас живем в мире глобальном. Эффективное реагирование на этот сдвиг – основная институциональная задача, стоящая сегодня перед мировыми лидерами» [12].

Современные глобальные системные трансформации, фундаментальное осмысление которых в контексте указанных проблем требуется осуществить в целях обоснования концептуальных основ институционального преобразования глобальной финансовой системы, в корне изменили социум XXI в. Он погружается в «магический» мир «алхимии финансов» (Дж. Сорос), что подчиняется исключительно «логике финансовой выгоды» (А. Генкин). В научной литературе прочно утвердился термин «виртуализация». Сущностной чертой логики виртуализации экономики является замещение реальной производственной сферы экономики образами, титулами симуляциями, которые в итоге оказывают большое влияние на хозяйственную деятельность. Усилившаяся финансовая доминанта экономических отношений проявляет себя на современном этапе как абстрактный носитель стоимости. Поскольку стоимость и деньги как ключевые категории в значительной степени определяют развитие экономических отношений и формирование социальной среды, в которой они разворачиваются, а таковой сейчас является весь глобальный мир, философская и социально-экономическая научная мысль уделяет существенное внимание изучению генезиса и сущности их современных форм с позиций высокого уровня абстракции. Так, Г. Зиммель отождествлял ретроспективу глобального развития с историей формирования капитализма, становление которого

сопровождалось растущей интеллектуализацией общественной жизни и усилением влияния принципов денежной экономики. Согласно социально-исторической концепции Г. Зиммеля и С. Московичи, деньги в контексте этой ретроспективы эволюционировали от осязаемых знаков обмена до символических денег, а затем семиотических знаков, стали симулякрами, оторванными от реальных обменных процессов [32, с. 406; 11, с. 164]. Осязаемые деньги архаических обществ и символические деньги в условиях индустриальной эпохи ассоциировались с конкретной средой локализации обмена (например, национальным или международным рынком) как общей экономической территорией, на которой объединенные денежными или валютными отношениями субъекты автоматически становятся участниками единой экономической системы [1, с. 300]. Современные формы денег, проявляющие себя как виртуальные финансовые потоки, возникшие как особая самостоятельная форма движения стоимости в условиях глобализации, на самом деле являются не «мировыми деньгами» в традиционном понимании (т.е. определенным образом связанными со всеми локальными хозяйственными системами, отражая реальное единство мировой экономики), а являются принципиально наднациональными, будучи не связанными ни с одной конкретной экономикой, они становятся субстанциональной основой нового уровня взаимозависимости в мировой экономике. Виртуальные деньги и связанные с ними субъекты становятся экстерриториальными и навязывают мировой экономике свою логику развития. В частности, по М. Кастельсу, происходит простая замена локальных экономик новой формой локализации и взаимодействия финансовых актеров в «виртуальном пространстве финансовых потоков» [19]. На этом новом уровне теряют значение традиционные фундаментальные категории и наступает «конец географии» [28] как пространственной детерминации социально-экономических отношений.

По мнению известных современных ученых М. Аглиетта, Э. Гидденса, С. Московичи, Э. Тоффлера [1, с. 300; 11, 24, 35], глобализация трансформирует деньги в символическую форму с последующим переходом к суперсимволическим формам. При этом универсализируется их ценностное восприятие и культурно-смысловое наполнение. Однако эти процессы не происходят согласно универсальному сценарию во всех регионах мира. Развитию финансовых институтов, как и культуры финансового поведения, в конкретном социуме свойственны локальные тенденции, определенные его культурно-исторической спецификой. Именно этим объясняется гетерогенизация финансового пространства мира в условиях глобализации. Как известно, в отличие от англосаксонской и западноевропейской рационалистической модели финансовых отношений, поведение индивида в исламском обществе в существенной степени определяется религиозными ценностями и регулируется общепринятыми социальными нормами, которые выстраиваются на принципах шариата. Индивид проходит социализацию и действует в обществе, где нормами шариата запрещено проводить рискованные и спекулятивные операции, а следовательно, и инвестировать в виртуальные активы. Соответственно специфику финансовых отношений в исламских странах определяют жесткие религиозные ограничения ссудного процента, а также нормы и принципы мусульманского

права, которые «соответствуют требованиям стабильности и социальной справедливости» [6].

Важные трансформационные процессы произошли также в сфере общественных финансов и модели поведения домохозяйств по поводу формирования и распоряжения собственными денежными поступлениями. Общедоступная финансовая статистика свидетельствует, что за последние десятилетия в мировой экономике утвердились деструктивные тенденции формирования так называемой потребительской модели экономического развития, когда норма сбережения снижается до минимума, а достигнутый неоправданно высокий уровень потребления целых государств обеспечивается за счет заемных средств, уже невозможных к уплате в силу несоответствия их огромной стремительно растущей величины к доходам экономических субъектов. Это происходит, поскольку общество этих стран, потребляя в настоящем доходы будущих периодов, прекратило задумываться над проблемой долга, поскольку современные поколения долгое время не испытывали его разрушительного воздействия [31, с. 4]. Мировой финансовый кризис среди прочего сделал очевидной и обострил проблему долгового характера мировой экономики, функционирующей в дефицитном режиме – общемировое сальдо по текущим операциям остается отрицательным, а мировые инвестиции превышают мировые сбережения, такой характер стал существенным атрибутом процесса развития экономик развитых стран. Интеграционные процессы в мире привели к тому, что проблема суверенной задолженности как внешней, так и внутренней переросла в глобальную – ущерб от дефолта суверенного кредитора или инфляционного решения его долговой проблемы ложится на плечи кредитора, что подвергнет финансовую стабильность последнего существенному риску. Это объясняет то, что спасением суверенных заемщиков вынуждены заниматься международные финансовые организации и страны, наиболее экономически связанные с должником. В силу очевидного конфликта интересов, чаще всего решение долговой проблемы осуществляется путем еще большего расширения заимствований, что лишь откладывает и усугубляет проблему в стратегической перспективе.

Современная финансовая цивилизация сделала огромный шаг в сторону того, что экономисты в прошлом называли «фиктивным капиталом» [26], а теперь – «финансовыми пузырями». Это понятие представляет собой не более чем знак возможного получения будущего дохода, фиктивный капитал имеет свой курс, производный от нескольких параметров, которые крайне слабо связаны с хозяйственными процессами создания стоимости. За такими «пузырями» трудно увидеть реальную экономику и реальные процессы [27]. Переход к резкому росту фиктивного финансового капитала является проявлением основной формы виртуализации экономики, т. е. экономических условий, когда доходы, получаемые посредством биржевых спекулятивных операций, стали значительно превышать доходы от производства и реализации товаров и услуг. В глобальном финансовом пространстве власть денег и институтов, построенных на ней, вытесняет экономику любого государства [10]. Современные финансовые процессы изменились не только количественно, но и качественно (вырос объем финансового капитала и изменилась его природа). Из процессов перераспределения созданной сто-

имости они превратились в процессы перераспределения будущей стоимости, что связано с массовым запуском в обращение производных ценных бумаг (деривативов и др.) [8]. С помощью информационно-коммуникационных технологий глобальные финансовые потоки могут быстро перемещаться по странам, создавая мир глобальной виртуальной экономики, т.е. мир информационных объектов, не имеющих реального существования, но проявляющих себя как аналогичные реально существующие объекты [15]. Произошло не только отделение движения стоимостного богатства от его материально-вещественных форм, но и полная девальвация стоимости в ее классических теоретических интерпретациях.

Генератором ускоренного роста капитала в денежной форме являются объективные экономические процессы. Современная научная мысль видит в этом качестве среди прочих изменения в механизме расширенного воспроизводства развитых стран – капитал в денежной форме стал непосредственным продуктом капиталистического воспроизводства как форма возрастающего по объему прибавочного продукта, не находящего возможности производительного использования, вследствие освобождения от функции накопления [9].

В условиях глобализации наиболее полно проявилось стремление капитала к транснационализации: развитие ТНК, офшорных зон, информационные и финансовые инновации коренным образом изменили транснациональный капитал – он стал самостоятельным экономическим организмом с внутренними целями развития. В этой связи нельзя не отметить, насколько важным структурным элементом современной глобальной экономики является финансовая олигархия, поскольку она концентрирует экономическую власть на самом высоком уровне иерархии мировой экономики. В последние десятилетия в глобальном масштабе четко определилась тенденция доминирования интересов мирового финансового капитала (прежде всего американского), действующего на мировом валютном и фондовых рынках, который, с одной стороны, принимает характер спекулятивного капитала, наживающегося на мировых финансовых пирамидах, финансовых пузырях, с другой – становится мощным финансовым рычагом управления мировыми экономическими и политическими процессами [9]. Финансовая олигархия осуществляет управление финансовыми активами и устанавливает «правила игры» в мировом финансовом пространстве. «Финансизация Америки, – пишет П. Кругман, – не была привнесена невидимой рукой рынка» [37]. Опережающий рост финансового сектора начиная с 1980-х гг. был спровоцирован сознательными решениями в выборе экономического курса, в частности политикой дерегулирования, которая превалировала почти до начала глобального кризиса в 2008 г. Кругман не видит ничего случайного и в том, что эпоха перманентного роста финансового сектора стала также эпохой усиления неравенства в уровнях доходов и благосостояния. Увеличение доходов в финансовом секторе, составлявшего существенную часть прироста национального дохода, в основном приходилось на богатейший 1 % населения. Даже в кризисные годы ставки вознаграждений инвестиционных менеджеров с Уолл-стрит не изменились, тогда как остальное население страны страдало от высокого уровня безработицы и падения реальной заработной платы. «Деньги решают все в американской политике, –

резюмирует П. Кругман, – и в последнее время деньги финансового сектора в нескрываемых формах демонстрируют, как будут наказывать каждого политика, который критикует их поведение, независимо от того, насколько мягко и корректно» [37].

В глобальном масштабе, преследуя цель достижения гигантских сверхприбылей, финансовый капитал на основе различного уровня владения информацией в этом мире виртуальных объектов ставит под свой контроль мощные финансовые потоки на мировых рынках. Манипулирование количеством денег, размером процентных ставок и управление распределением финансовых потоков приводит к конъюнктурным подъемам и спадам, асимметричным шокам в мировой экономике. Используя финансовый рычаг управления мировым экономическим процессом, имея созданную соответствующую мировую инфраструктуру, включая информационную сеть, обеспечивающую монопольное владение информацией, финансовая олигархия развитых стран пытается реализовать стратегию по глобальному экономическому управлению. Концентрируя в своих руках огромные финансовые ресурсы, новые информационные технологии, огромный интеллектуальный потенциал, мировой финансовый капитал обеспечивает себе огромные монопольные прибыли, получая тем самым мощнейшие рычаги финансового управления [9]. В результате ведущий финансовый центр (конгломерат таких центров) мировой финансовой системы приобретает атрибуты субъекта глобального управления. Таким образом, экономическая власть переходит от одних людей, компаний, стран к другим субъектам, а с ней перераспределяются стоимость и экономические интересы. В этом смысле с развитием глобальной финансовой системы неизбежно происходит перманентный процесс перераспределения интересов и стоимости, управление которым является процессом перераспределения власти между странами, институтами и индивидами.

В условиях глобальной экономики формируется всемирный финансизм, контролирующий и эксплуатирующий планетарное хозяйство, при этом феномен финансовой собственности и власти скрыт, завуалирован, фиктивен, рассредоточен по всему мировому пространству. Резюмируя анализ вышеописанных процессов, следует отметить вытекающую из него необходимость подтвердить тезис о том, что в современном глобальном мире объективный и неизбежный процесс виртуализации экономики, усиленный сознательной деятельностью субъектов рыночной системы, вышел из-под контроля, увеличив свою скорость движения и самостоятельность, хаос и неопределенность, риск и нестабильность.

«Экономика является не физической, а “человеческой” наукой, – подчеркивает Джордж Сорос, – и “модель всеобщего равновесия”, почитаемая всеми, является лишь платоновским образом – нереальным – от того, что происходит в действительности. Вера в то, что рынок стремится к равновесию, породила политику предоставления финансовым рынкам полной свободы действий. Эта догма, которую я называю рыночным фундаментализмом, не более ценна, чем марксистская догма (рынок должен быть устранен как несовершенный (погрешимый)). И та, и другая являются идеологиями, которые принимают научный вид с тем, чтобы их было проще принять. Реакция рынка зависит от оценки рынка самого себя. Мнение не

является фактом знания, но оно действует в реальности, движимое психологией, будь то эйфория или паника, имитация или догма» [38].

Опираясь на изложенное, выделим фундаментальные аспекты институциональных трансформаций в глобальной финансовой среде, касающихся утверждения «мировой геофинансовой системы». Прежде всего, речь идет о институциональных сдвигах, направленных на пересмотр теоретических концептов роли финансового сектора и финансовых элит. Здесь в очередной раз приходится вспомнить неолиберальные теории, на которых выстраивался каркас глобальной финансовой архитектуры, и идеологические постулаты «Вашингтонского консенсуса», проблемы эффективности применения которых продемонстрировал очередной глобальный кризис. С чисто экономической точки зрения проблема заключается в масштабах банкротства отдельных субъектов финансового сектора. Однако с позиций международной политической экономии она гораздо масштабнее – в целой подсистеме западных стран (а именно финансовой надстройке) произошел глобальный сбой. При этом есть серьезные основания утверждать, что этот сбой произошел в результате критической массы не преднамеренных, но часто и сознательных действий, которые резко противоречили насущным общественным интересам. Трудно иначе объяснить, почему ни одна из многочисленных прогрессивных «защитных систем» западного общества не среагировала на рост «фиктивного финансового пузыря»? Почему принцип – «частное банкротство – частная проблема» – переродился в проблему – «Too big to fail»? Почему финансовые элиты в различных странах прибегли к действиям, которые привели к катастрофическим последствиям, ответственность за которые ложится на плечи всего общества? Почему правительства оказались в объективно сложившейся или сознательно созданной ситуации «отсутствия механизмов влияния на безответственное поведение международных финансовых спекулянтов»? В сложившейся ситуации необходимо радикальное преобразование глобальной финансовой системы, а его главной задачей становится удаление финансовых пузырей при сохранении общественно полезных функций финансовой системы. Ответом на эти вызовы со стороны политических властей стал запуск глобальной реформы финансового регулирования, отличающейся громоздкостью положений и затяжной имплементацией норм, а сама целесообразность ряда ее требований подвергается сомнению по мере ротации национальных администраций.

Возвращаясь к рассмотрению институциональных трансформаций, важно затронуть еще одну дискуссионную проблему институционального преобразования глобальной финансовой среды – «глобального капитализма». Главный тезис этой дискуссии – капитализм, который демонстрировал успешность в XX в., ныне настолько устарел, что способен разрушить общество XXI в. Известный британский экономист Дж. Даннинг еще в конце XX в. обозначил необходимость разработать обоснованный и ответственный подход к оценке возможных последствий функционирования «глобального капитализма» в нынешнем его виде. По мнению ученого, развитие «глобального капитализма» может быть успешным только при условии решения двух проблем [21, с. 118]. Первая заключается в том, что динамичное развитие рынков знаний и информации, которые формируют

основу глобального капитализма, сопровождается масштабными проблемами системного характера, такими как волатильность и информационная асимметрия. Отсюда следует вывод, что роль нерыночных институтов (особенно правительств) в установлении правил и стандартов деятельности на конкретных рынках должна не ослабляться, а усиливаться. Вторая дилемма – как совместить экономический эффект от глобальных рынков с императивом социальной справедливости, поскольку есть реальная опасность, что нарушение «социального консенсуса» в обществе может привести к неприятию «широкими массами» идей и принципов глобального капитализма и привести в итоге к проявлению недоверия со стороны избирателей к политическим элитам, что отчетливо проявляется в актуальных политических событиях в западном мире, или к другим, менее демократическим действиям.

Предвидение Даннинга отчетливо реализуется в настоящее время – референдумы, выборы все чаще преподносят сюрпризы для тех, кто находится на Олимпе власти. Граждане чувствуют, что их интересы и представления элит о единственно правильном курсе, который эти элиты выбирают, чаще и больше расходятся между собой. Люди голосуют совсем не так, как им советовали официальные, респектабельные средства массовой информации, и не так, как это рекомендуют так называемые системные партии. А общественные движения, которые еще совсем недавно считались слишком «левыми» или слишком «правыми», выходят на авансцену, оттесняя политических тяжеловесов. Все чаще от имени этих альтернативных политических сил ожидаемо [22, 29] звучат упреки в излишней зависимости своих стран от международных финансовых рынков, а также призывы освободить собственный национальный суверенитет от излишне обременительных требований и ограничений, накладываемых наднациональными институтами, в которых эти государства участвуют. Источником роста влияния таких сил является рядовой обыватель, ценящий отличающийся стабильностью консервативный уклад и не нашедший себе места в новом, измененном глобализацией мире с ее свободно перемещающимися центрами производства и потоками благ. Самую емкую характеристику негативных последствий глобализации дала ода из ведущих современных французских политиков Марин Ле Пен: «Глобализация создана для того, чтобы рабы производили товары для продажи их безработным» [39], поясняя тот факт, что благодаря глобализации производство товаров переносится в страны с низкими социальными издержками для собственников, что лишает развитые страны рабочих мест, одновременно поощряя повсеместные нарушения трудовых прав работников в развивающихся странах из-за «гонки на дно» между ними. К настоящему же моменту можно отчетливо наблюдать, как результаты перемен в общественном настроении, обусловленные систематическим отсутствием на протяжении значительного периода времени гармонизации интересов всех социальных и политических групп – а именно: одобренный всенародным волеизъявлением выход из ЕС Великобритании, примеру которой потенциально могут последовать и другие европейские страны, и пересмотр склоняющейся к протекционистскому курсу новой администрации США своего участия в таких проектах, как Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное пар-

тнерство – ставят под угрозу сохранение достигнутого уровня международного финансово-экономического взаимодействия.

Однако потенциальная дезинтеграция не является единственным реализующимся сценарием глобального развития. Так, Китай, являясь глобальным лидером процессов экономической интеграции, создает собственные международные финансовые институты, с помощью которых связывает своих партнеров в собственную сферу влияния крепнущей сетью деловых связей, а также стремится тем самым занять соответствующее его экономическому положению место в мировой финансовой архитектуре. Запуск под руководством Китая таких проектов, как Азиатский Банк Инфраструктурных Инвестиций, Новый Банк Развития БРИКС и Валютный Пул БРИКС существенно дополняет институциональный ландшафт мировых финансов и значительно укрепляет потенциал финансового доминирования «Поднебесной», обладающей наиболее крупными валютными накоплениями, но пока не столь значительными возможностями трансформировать их в реальные трансграничные потоки капитала. АБИИ, членами которого на сегодняшний день являются 57 государств, включая ведущие европейские державы, по определению будет сосредоточен на инфраструктуре в Азии, а Новый Банк Развития БРИКС имеет гораздо более широкую сферу деятельности с целью стать глобальным банком. Эти институты потенциально представляют собой новую форму глобального экономического управления, если не прямой противовес, то альтернативу Бреттон–Вудской системе организаций, где доминируют США и их союзники. Во многом именно из-за неспособности потерявшего инициативность ядра передовых стран оказывать существенную помощь по восстановлению и укреплению экономик развивающихся стран, переживших финансово-экономические потрясения, возникла необходимость в построении альтернативной модели многостороннего сотрудничества, которая соответствовала бы новой расстановке экономических сил в мире, а центром такой модели стала Китайская Народная Республика. При этом, создавая собственный интеграционный слой, Китай не имеет цели противопоставить его связанной глобализацией мировой экономике, более того, интернационализируя юань и продвигая его резервный статус, масштабно расширяя взаимные инвестиции, он стремится путем усиления собственной взаимосвязанности с ядром развитых стран развить и органично встроить этот слой как составляющую подлинно полицентричной глобальной финансово-экономической системы.

Рассуждая о будущем глобальной финансовой системы, стоит коснуться еще одного вектора глобального развития. Как уже отмечалось, развитию экономических институтов свойственна локальная специфика. Хотя бесспорно, что «существуют эпицентры глобализации, меняющие свое расположение в пространственно-временном континууме, но во все времена существовали каверны фрагментарности. В этой связи можно говорить об исламских финансах как индустрии финансовых услуг, которая развивается, чтобы занять существенную долю в пределах глобального финансового рынка и привлечь к себе значительный интерес как жизнеспособная и эффективная альтернативная модель финансового посредничества» [6, с. 3]. Так или иначе такая модель деятельности делает громкую заявку на «передел» финансового сектора мировой экономики. По данным «Euromoney

Islamic Finance Review», сектор исламского финансового посредничества является одним из наиболее динамично растущих сегментов мировых финансов (ежегодные темпы прироста 15–20 %); исламский банкинг практикуют более 400 финансовых институтов мира, а его ежегодные обороты составляют около 800 млрд долл. США. Даже кризисный 2008 г. закончился для них довольно успешно – их доходы выросли на 58 %, что особенно показательно на фоне банкротства всемирно известных финансовых гигантов (например, «Lehman Brothers») [36]. В целом появление исламских финансов в глобальном финансовом мире – это своего рода вызов, похожий на те, которые содержат финансовые инновации. Очевидно, что кроме заметного динамизма и растущего интереса со стороны потребителей исламские финансы будут продуцировать риски для многих участников глобальных финансовых отношений, поскольку их принципы менее понятны, чем принципы традиционных финансов [6, с. 3].

Итак, главная задача преобразования глобальной финансовой системы – найти новую философию ее конструирования с учетом тех системных трансформаций, которые произошли в ней за последнее время. Вместе с тем возникает больше вопросов, чем готовых ответов, как о сущности новой парадигмы конструирования современной архитектуры глобальных финансов, так и в отношении его контуров, конфигурации и характера стратегических векторов такого переустройства в условиях «стабильного неравновесия» [17]. На возникшие вызовы даже у ведущих ученых-экономистов нет однозначного ответа. В условиях системных трансформаций для восстановления устойчивого экономического роста и доверия на финансовых рынках нужны новая парадигма, новые концепции конструирования и широкий набор институциональных реформ. Что в сущности означает достижение «нового баланса между рынком и регулированием» [33]. Такой процесс, как достаточно сложное и разноплановое явление, будет иметь много направлений.

Во-первых, это изменение не только архитектуры глобальной финансовой системы, но и фундаментальных принципов ее функционирования в мировой экономике. Принципиально важно, чтобы структурно-институциональное реформирование отдельных финансовых компонентов мировой экономической среды согласовывалось со становлением глобального информационно-сетевого общества и трансформациями различных рынков. Речь идет прежде всего о масштабных структурных последствиях финансовой глобализации, которые заставляют концентрировать внимание на вопросах взаимосвязи уровня финансовой стабильности с характером институциональных преобразований как на государственном, так и на глобальном уровнях. В глобальной финансовой системе, где существует риск роста темпов распространения кризисных импульсов, надзор и регулирование должны стать одной из сфер глобальной ответственности. Структуру такого регуляторного механизма следует детализировать в ходе дальнейшего научного анализа.

Во-вторых, это формирование новой глобальной финансовой архитектуры. Ведь на протяжении прошедших многих десятилетий вся политика регулирования и надзора формировалась без учета принципов глобализации, а с ориентацией на независимые национальные экономики с

отдельными национальными режимами регулирования и ограниченным и медленным движением капитала. В условиях, когда мир «вступил в эру взаимосвязанных и мобильных рынков капитала, отдельные экономики уже не могут оставаться в стороне от масштабных и мгновенных, а иногда и дестабилизирующих глобальных финансовых потоков» [7]. Проблемы, связанные с нарастающей диссипативностью глобальной финансовой системы и перманентным стабильным неравновесием, побуждают к активному поиску новых форм их решения на глобальном уровне, в частности, путем наработки комплекса регуляторных процедур и развития таких институтов финансовой системы, которые свойственны ее развитой глобальной форме, которых не существовало в условиях международной финансовой системы, поэтому разработка «дорожной карты» такого процесса остается актуальнейшим вопросом для мировой экономической мысли.

Наконец, в-третьих, это учет принципиально новой философии глобального развития. Речь идет не только о возможности, но и объективно назревшей необходимости смены парадигмы развития «мировой геофинансовой системы», выдвигании на первый план не столько экономических, сколько социокультурных и мировоззренческих рычагов общественных трансформаций. Ведь именно укоренившимися национальными традициями и мощным «национальным лобби» объясняются современные тенденции дивергенции глобального развития и недостаточный уровень унификации национальных финансовых институтов в глобальной финансовой системе. По той же причине откладывается на неопределенный срок требующая серьезных международных усилий и политической воли реализация идеи создания глобального финансового института комплексного регулирования и контроля всех национальных финансовых систем.

### Литература

1. *Аглиетта М., Орлеан А.* Деньги между насилием и доверием. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 365 с.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
3. *Белл Д., Иноземцев В.Л.* Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
4. *Бобков П.М.* Глобализация и проблемы человечества // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 16 (94). С. 22.
5. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: социология XXI века / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.: Логос, 2003. 368 с.
6. *Ефременко И.Н.* Исламские финансы в формировании новой институциональной основы мировой финансовой архитектуры // Финансовые исследования. 2007. № 16. С. 3–9.
7. *Ефременко И.Н., Евлахова Ю.С.* Направления развития мировой финансовой архитектуры в условиях финансовой глобализации // Финансовые исследования. 2007. № 1 (14). С. 5.
8. *Зуева О.А.* Сущностные парадигмы финансового капитала // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-1 (59-1). С. 1104–1107.
9. *Иванова Р., Иванов М.* Изменения в воспроизводственном процессе развитых стран и мировой финансовый кризис // Вестник Института экономики РАН. 2011. № 1. С. 292–307.

10. Кочетов Э.Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: учеб. для вузов. М.: Норма, 2006. 528 с.
11. Московичи С. Машина, творящая богов (Деньги как страсть и как представление). М.: КСП+, 1998. 560 с.
12. Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке: доклад Генерального секретаря ООН // Безопасность Евразии. 2000. № 1. С. 210–211.
13. Неклесса А. Глобальная трансформация: сущность, генезис и прогноз // Мировая Экономика и Международные Отношения. 2004. № 1. С. 89.
14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / пер. с англ.; под общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
15. Сажина М.А. Виртуальная экономика: методологические аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2012. № 4. С. 3–18.
16. Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 224 с.
17. Эль-Эриан М.А. Стабильное неравновесие // Финансы и развитие. 2012. Июнь. С. 27–29.
18. Яковец Ю.В. Глобальные экономические трансформации XXI века. М.: Экономика, 2011. 384 с.
19. Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.
20. Chen Jing. The Unity of Science and Economics: A New Foundation of Economic Theory. N.Y.: Springer, 2016.
21. Dunning John H. Whither Global Capitalism? In: Global Capitalism at Bay. L.; N.Y.: Routledge, 2001. P. 11–118.
22. Eichengreen B., Leblang D. Democracy and Globalization, Economics and Politics, November 2008. Vol. 20. Iss. 3. P. 289–334.
23. Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: The Free Press, 1995.
24. Giddens A. Sociology (Fifth Edition). Cambridge: Polity, 2006.
25. Grabel I. A Post-Keynesian Analysis of Financial Crisis in the Developing World and Directions for Reform // A Handbook of Alternative monetary Economics. Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2006.
26. Hilferding R. Das Finanzkapital. Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1910.
27. Menkhoff L., Tolsdorf N. Financial Market Drift: Decoupling of the Financial Sector from the Real Economy. Germany, Springer, 2001.
28. O'Brien R. Global Financial Integration. The end of Geography. London: Chatham House Pinter, 1992.
29. Rodrik D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World. N.Y.: W.W. Norton & Co., 2011.
30. Rosenau James N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990.
31. Rowbotham M. The Grip of Death. A Study of Modern Money, Debt Slavery and Destructive Economics. Charlbury: Carpenter Publishers, 1998.
32. Simmel G. The Philosophy of Money. L.: Routledge, 1978.
33. Stiglitz Joseph E. Making Globalization Work: The Next Steps to Global Justice. London: Penguin, 2007.
34. Toffler A. Future shock. New York: Bantam Books, 1981.
35. Toffler A. Power Shift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam Books, 1990.
36. Банк по законам шариата // Эксперт Урал. 2012. № 44 (532). URL: <http://expert.ru/ural/2012/44/bank-po-zakonam-shariata/> (дата обращения: 10.10.2017).

37. Пол Кругман: Уолл-стрит «теряет неприкосновенность» // Деловой портал BFM.ru. URL: <http://www.bfm.ru/articles/2011/10/17/pol-krugman-uoll-strit-terjaet-neprikosnovennost.html> (дата обращения: 10.10.2017).
38. Фреде Ж.-Г., Армане Ф. Джордж Сорос: моя правда о крахе // «Le Nouvel Observateur», Франция, 06.10.2008. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1223284620> (дата обращения: 18.11.2017).
39. Marine Le Pen: La mondialisation? «faire fabriquer par des esclaves pour vendre des» // Le Mediascope. URL: <http://lemediascope.fr/video-marine-le-pen-la-mondialisation-%C2%AB-faire-fabriquer-par-des-esclaves-pour-vendre-a-des-chomeurs-%C2%BB/> (дата обращения: 10.10.2017).

### Bibliography

1. Aglietta M., Orlean A. Den'gi mezhdru nasiliem i doveriem. M.: GU VShJe, 2006. 365 p.
2. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo / per. s angl.; pod red. V.L. Inozemceva. M.: Logos, 2002. 390 p.
3. Bell D., Inozemcev V.L. Jepoha razobshhennosti: Razmyshleniya o mire XXI veka. M.: Centr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva, 2007. 304 p.
4. Bobkov P.M. Globalizatsiya i problemy chelovechestva // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 16 (94). P. 22.
5. Vallerstajn I. Konec znakomogo mira: sociologiya XXI veka / per. s angl.; pod red. V.L. Inozemceva; Centr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva. M.: Logos, 2003. 368 p.
6. Efremenko I.N. Islamskie finansy v formirovanii novoy institucional'noj osnovy mirovoj finansovoy arhitektury // Finansovye issledovaniya. 2007. № 16. P. 3–9.
7. Efremenko I.N., Evlahova Ju.S. Napravleniya razvitiya mirovoj finansovoy arhitektury v usloviyah finansovoy globalizatsii // Finansovye issledovaniya. 2007. № 1 (14). P. 5.
8. Zueva O.A. Sushhnostnye paradigmy finansovogo kapitala // Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2015. № 6-1(59-1). P. 1104–1107.
9. Ivanova R., Ivanov M. Izmeneniya v vosproizvodstvennom processe razvityh stran i mirovoj finansovyy krizis // Vestnik Instituta jekonomiki RAN. 2011. № 1. P. 292–307.
10. Kochetov Je.G. Geojekonomika. Osvoenie mirovogo jekonomicheskogo prostranstva: ucheb. dlja vuzov. M.: Norma, 2006. 528 p.
11. Moskovichi S. Mashina, tvorjashhaja bogov (Den'gi kak strast' i kak predstavlenie). M.: KSP+, 1998. 560 p.
12. My, narody: rol' Organizatsii Ob#edinennyh Nacij v XXI veke: doklad General'nogo sekretarja OON // Bezopasnost' Evrazii. 2000. № 1. P. 210.
13. Neklessa A. Global'naja transformatsiya: sushhnost', genezis i prognoz // Mirovaja Jekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya. 2004. № 1. P. 89.
14. Prigozhin I., Stengers I. Porjadok iz haosa: novyy dialog cheloveka s prirodoy / per. s angl.; pod obshh. red. V.I. Arshinova, Ju.L. Klimontovicha, Ju.V. Sachkova. M.: Progress, 1986. 432 p.
15. Sazhina M.A. Virtual'naja jekonomika: metodologicheskie aspekty // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2012. № 4. P. 3–18.
16. Cheshkov M.A. Globalistika kak nauchnoe znanie. Ocherki teorii i kategorial'nogo apparata. M.: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnoshenijam, 2005. 224 p.
17. Jel'-Jerian M.A. Stabil'noe neravnovesie // Finansy i razvitie. 2012. Ijun'. P. 27–29.
18. Jakovec Ju.V. Global'nye jekonomicheskie transformatsii XXI veka. M.: Jekonomika, 2011. 384 p.
19. Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.
20. Chen Jing. The Unity of Science and Economics: A New Foundation of Economic Theory. N.Y.: Springer, 2016.

21. *Dunning John H.* Whither Global Capitalism? In: *Global Capitalism at Bay*. L.; N.Y.: Routledge, 2001. P. 11–118.
22. *Eichengreen B., Leblang D.* Democracy and Globalization, Economics and Politics, November 2008. Vol. 20. Iss. 3. P. 289–334.
23. *Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: The Free Press, 1995.
24. *Giddens A.* Sociology (Fifth Edition). Cambridge: Polity, 2006.
25. *Grabel I.* A Post-Keynesian Analysis of Financial Crisis in the Developing World and Directions for Reform // *A Handbook of Alternative monetary Economics*. Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2006.
26. *Hilferding R.* Das Finanzkapital. Wien: Wiener Volksbuchhandlung, 1910.
27. *Menkhoff L., Tolksdorf N.* Financial Market Drift: Decoupling of the Financial Sector from the Real Economy. Germany, Springer, 2001.
28. *O'Brien R.* Global Financial Integration. The end of Geography. London: Chatham House Pinter, 1992.
29. *Rodrik D.* The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World. N.Y.: W.W. Norton & Co., 2011.
30. *Rosenau James N.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990.
31. *Rowbotham M.* The Grip of Death. A Study of Modern Money, Debt Slavery and Destructive Economics. Charlbury: Carpenter Publishers, 1998.
32. *Simmel G.* The Philosophy of Money. L.: Routledge, 1978.
33. *Stiglitz Joseph E.* Making Globalization Work: The Next Steps to Global Justice. London: Penguin, 2007.
34. *Toffler A.* Future shock. New York: Bantam Books, 1981.
35. *Toffler A.* Power Shift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam Books, 1990.
36. Bank po zakonam shariata // Jekspert Ural. 2012. № 44 (532). URL: <http://expert.ru/ural/2012/44/bank-po-zakonam-shariata/> (data obrashhenija: 10.10.2017).
37. *Pol Krugman:* Uoll-strit «terjaet neprikosновенnost'» // Delovoj portal BFM.ru. URL: <http://www.bfm.ru/articles/2011/10/17/pol-krugman-uoll-strit-terjaet-neprikosновенnost.html> (data obrashhenija: 10.10.2017).
38. *Frede Zh.-G., Armane F.* Dzhordzh Soros: moja pravda o krahe. // «Le Nouvel Observateur», Francija, 06.10.2008. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1223284620> (data obrashhenija: 18.11.2017).
39. *Marine Le Pen:* La mondialisation? «faire fabriquer par des esclaves pour vendre des» // Le Mediascope. URL: <http://lemediascope.fr/video-marine-le-pen-la-mondialisation-%C2%AB-faire-fabriquer-par-des-esclaves-pour-vendre-a-des-chomeurs-%C2%BB/> (data obrashhenija: 10.10.2017).